БЫЛЪ ЛИ ГОГОЛЬ ДУШЕВНО-БОЛЬНЫМЪ?

(Отвѣтъ Н. Н. Баженову.)

Моск. Вѣд. 1 марта 1902, I. № 59

Въ январской книжкѣ *Русской Мысли* напечатана статья врача Н. Н. Баженова: „Болѣзнь и смерть Гоголя“, ранѣе читанная имъ въ видѣ ученаго реферата въ Воронежѣ и Москвѣ.

Г. Баженовъ старался доказать, что Н. В. Гоголь былъ психически больной человѣкъ, страдалъ такъ-называемою melancholia periodica, и его *Переписка съ друзьями* была „результатомъ больнаго, патологическаго творчества“.

Статья еще не окончена. Несмотря на это, мы считаемъ почти необходимымъ сказать нѣсколько словъ по поводу этой мало оригинальной, но смѣлой вылазки противъ великаго писателя.

Переписка съ друзьями — это послѣднее откровеніе великой души—плодъ безумія, созданіе душевно больнаго? Правда ли это?

Нѣтъ, не правда. Конечно, Гоголю всегда можно *навязать* такую малоопредѣленную болѣзнь, какъ періодическая меланхолія, такъ какъ ее можно приписать *кому угодно*, имѣя въ рукахъ сотню писемъ этого *кого угодно*.

Что это такъ, покажетъ слѣдующая справка о симптомологіи періодической меланхоліи (изъ статьи того же Баженова).

Корсаковъ и Pilz: апатія, отчужденность и нелюдимость, состояніе боязливо-тоскливой подавленности и т. п.

Баженовъ: Острое нервное раздраженіе и возбужденность.

Крепеленъ: говорятъ охотно, чувствуютъ потребность въ утѣшеніи. Потеря аппетита. Аппетитъ умѣренный. *Религіозныя сомнѣнія.*

Конечно, психологія Гоголя была не совсѣмъ обычною; у него бывало нервное разстройство, приступы тоски и унынія — это безспорно. Но кто же изъ насъ, при нервной работѣ, не бываетъ нервно разстроенъ, кто не впадаетъ иногда въ безпричинную тоску безъ того, чтобы быть душевно-больнымъ?

Вотъ тезисы г. Баженова:

„Болѣзнь Гоголя—періодическая меланхолія, его *Переписка*—плодъ душевной болѣзни, которая въ послѣднее время перестала быть періодическою, а перешла въ длительное и постоянное болѣзненное состояніе, съ чередующимися улучшеніями и ухудшеніями“ (*Рус. М.* 1902 г., янв., стр. 149).

Нашъ антитезисъ такого рода: Нервная раздражительность Гоголя, довольно сильная до 1845 года, *именно въ послѣднее время* уменьшилась въ значительной степени, и послѣдніе годы его жизни были болѣе здоровыми нервно и психически, чѣмъ когда-нибудь.

Какъ сильны аргументы Н. П. Баженова. можно видѣть по такому примѣру: Самъ Гоголь, по словамъ Баженова, будто бы не разъ признаетъ себя больнымъ душевно, и вотъ *доказательство*:

„Я тебя прощаю,—пишетъ онъ Погодину,—ты многаго не понялъ... Я былъ тогда боленъ душей“ и т. д.

Неужели лексиконами доказывать Баженову, что „болѣть душой“ не значитъ быть душевно-больнымъ?

Насколько тверда и основательна гипотеза г. Баженова, доказываетъ то, что онъ пытается поддержать ее положительными передержками.

На стр. 147 онъ пишетъ, будто Гоголь въ началѣ 1846 года, подъ вліяніемъ психопатическихъ ощущеній апатіи, тоски и ужаса, думалъ даже о самоубійствѣ. Просматривая то письмо, какое имѣлъ въ виду г. докторъ, мы находимъ здѣсь такія строки:

„Болѣзненныя состоянія до такой степени (въ концѣ прошлаго года и даже въ началѣ нынѣшняго) были невыносимы, что мнѣ повѣситься или утопиться казалось какъ бы похожимъ на какое-то лѣкарство и облегченіе. А между тѣмъ Богъ такъ былъ милостивъ ко мнѣ въ это время, какъ никогда дотолѣ. *Какъ ни страдало мое тѣло, какъ ни тяжка была болѣзнь тѣлесная, душа моя была здорова; даже хандра, которая приходила прежде въ минуты болѣе сносныя, не посмѣла ко мнѣ приближаться.* И тѣ душевныя страданія, которыхъ доселѣ я испыталъ много и много, замолкнули вовсе...“ и т. д.

Не правда ли, очень ужь смѣлая система доказательствъ у г. Баженова?

Почти такую же передержку представляетъ даже самое патетическое мѣсто статьи—описаніе рѣзкаго меланхолическаго приступа въ 1840 году, проявившагося страшнымъ нервнымъ раздраженіемъ, которое перешло потомъ въ состояніе смертнаго ужаса и закончилось полною апатіей. Это было въ Вѣнѣ и Римѣ (сент., окт. 1840). Н. П. Баженовъ скрываетъ начало и конецъ этого письма и игнорируетъ письма одновременно написанныя другимъ лицамъ.

Дѣло въ томъ, что передъ болѣзнью, описанною въ этомъ письмѣ, Н. В. Гоголь переживалъ моментъ сильнаго подъема вдохновенія и, обрадовавшись, какъ говоритъ онъ въ томъ же письмѣ, освѣженнымъ силамъ, много и нервно работалъ. Эта усиленная работа не обошлась ему (опять его собственныя слова) даромъ; онъ почувствовалъ сильнѣйшую боль и стѣсненіе *въ груди*. Затѣмъ послѣдовало полное желудочное разстройство и геморрой; „геморроидъ бросился на грудь“. Гоголь боялся чахотки, и доктора дѣйствительно отчаялись въ его выздоровленіи. Результатомъ этой болѣзни и была смертная тоска и безпокойство, то, что называется anxietas. Но вѣдь ясно, что эта тоска не *составляетъ* содержанія болѣзни, и Н. В. Гоголь достаточно уясняетъ, что эта anxietas была вызвана боязнью смерти, которая, по мнѣнію врачей, была недалеко отъ него, и *особенно боязнью умереть среди чужихъ.* Въ другомъ мѣстѣ Гоголь самъ пишетъ, что это былъ случай единственный, и его состояніе всецѣло объяснялось чаяніемъ смерти.

Такимъ образомъ, единственная въ статьѣ яркая ссылка—недобросовѣстна: на стр. 135 г. Баженовъ самъ намекаетъ, что хандру, вызванную физическою болѣзнью, нельзя, такъ-сказать, ставить въ счетъ.

Апатія, будто бы послѣдовавшая за приступомъ „тоски и ужаса“ (по пріѣздѣ въ Римъ) выдумана г. Баженовымъ. Справедливо, что, пріѣхавъ въ Римъ, Гоголь не видѣлъ ни Рима, ни его неба, но это потому, что въ это время его тянуло къ другому небу: онъ хотѣлъ „дождя, слякоти“. Однако, то, что во 2й половинѣ октября (когда было написано письмо Погодину) онъ не былъ въ состояніи меланхолической апатіи, доказываетъ очень краснорѣчивый фактъ: въ концѣ октября онъ уже прочиталъ Панову начало новой работы, *„въ которомъ одно комическое лицо—совершенство“.* *

И въ этихъ двухъ доказательствахъ почти вся аргументація Баженова. Остальные его доводы положительно странны.

Авторъ приводитъ слѣдующій рядъ цитатъ: въ 1846 году Гоголь жалуется Смирновой на рядъ болѣзней, повидимому, малярійнаго и анемическаго происхожденія, которыя очень его мучаютъ. „Но я,—пишетъ онъ,—не унываю, и мысли, несмотря на тѣлесный недугъ, зрѣютъ“. Языкову, 26 февраля: „Какъ ни сильны были тѣлесные недуги, но душа моя не болѣла, и хандра не приходила“... „Что сказать вамъ о здоровьѣ тѣлесномъ: оно не завидно... Мое душевное здоровье лучше прежняго и т. д.“ (Письмо гр. Вельегорскимъ).

Что же говорятъ эти слова? Конечно то, что въ 1846 году Гоголь здоровъ душевно. Н. Н. Баженовъ видитъ другое. Въ этихъ, дескать, словахъ ясно выражается *ожиданіе скораго наступленія періодической болѣзни.* Это хорошо. Слѣдовательно, отъ 2 января до мая Гоголь все ждетъ, но, далѣе, конечно, мы увидимъ рядъ писемъ въ рѣзко меланхолическомъ тонѣ, найдемъ жалобы на приступы тоски и унынія? *Но такихъ писемъ нѣтъ у Гоголя за послѣдніе годы.*

Возьмите 1847 годъ. Нападки на *Переписку* были ужасны: „Надъ живымъ человѣкомъ производилась та страшная анатомія, отъ которой бросаетъ въ холодный потъ даже крѣпкаго человѣка“. „Многіе упреки были такъ страшны, что не дай Богъ никому услышать ихъ“, писалъ Гоголь въ *Исповѣди.* Естественно, все это было тяжело для Гоголя, но и при этихъ обстоятельствахъ „душа его не изнемогала“. (*Авт. Исп.*).

Въ февралѣ (10) онъ писалъ: „спокойствіе мое не возмущалось, волненія нервическаго не было, духъ унынія далеко отъ меня“ (Кул. VI, 336). Въ маѣ (20) онъ совсѣмъ твердъ: „Милость Божія поддерживаетъ духъ“ (399). Іюля 20 онъ пишетъ: „Духъ, какъ будто даже сильнѣе прежняго“. Во вторую половину года онъ уже окончательно справился съ тяжелымъ впечатлѣніемъ, которое вызвали нападки, и хотя иногда скорбитъ о томъ, что на него возстали ближніе, но въ то же время исповѣдуетъ, что теперь онъ любитъ ихъ болѣе, чѣмъ прежде.

Въ письмахъ къ Анненкову онъ проситъ не принимать скорбь, выраженную въ его письмахъ, за уныніе и отчаяніе. Ему больно, что его не поняли даже близкіе, но его душу не смущаетъ клевета: раздраженія и фанатизма въ немъ нѣтъ. По поводу письма Бѣлинскаго—онъ безпокоится за Бѣлинскаго, для котораго *вредно чувство ожесточенія.* Себя онъ характеризуетъ словами: „Я болѣе другихъ спокойный и хладнокровный“...

Теперь 1848 годъ. Предъ поѣздкой въ Палестину Гоголь разсылаетъ ближайшимъ знакомымъ письма, гдѣ проситъ молиться о немъ такъ:

„Боже, тишину его души исполни благодарныхъ мыслей во все время дороги! Удали отъ него духа колебаній, духа помысловъ мятежныхъ и волнуемыхъ, духа суевѣрія, пустыхъ примѣтъ и малодушныхъ предчувствій, ничтожнаго духа робости и боязни“.

Въ этой молитвѣ Баженовъ видитъ полный списокъ всѣхъ признаковъ психоза Гоголя, какъ будто взятую изъ курса психіатріи, и ожиданіе скораго приближенія болѣзни!

Что же это такое? Развѣ это доказательство? Вѣдь эта молитва—сочетаніе самыхъ обычныхъ молитвенныхъ выраженій, съ прибавкой прошенія объ удаленіи духа боязни, очень, полагаю, естественной у такого нервнымъ человѣка, какъ Гоголь, предъ далекимъ путешествіемъ; извѣстно, что Гоголь боялся моря.

Что сказалъ бы Баженовъ, еслибы Н. В. Гоголь взялъ изъ молитвы Ефрема Сирина прошеніе объ удаленіи „духа праздности и унынія“. Вѣдь и то, и другое—признаки melancholia periodica.

Не лучше ли было бы просмотрѣть письма, касающіяся палестинскаго путешествія. А они интересны.

Вопервыхъ, Гоголь въ одномъ письмѣ опредѣленно заявляетъ, что *все время онъ былъ здоровъ, какъ никогда*; вовторыхъ, кое-что даютъ и самыя письма. Ни въ одномъ изъ этихъ писемъ нѣтъ и слѣдовъ нервнаго безпокойства и развинченности. Особенно интересны письма для характеристики религіознаго настроенія Гоголя. Можно бы ожидать, что экстазъ, экзальтація, мистика проявится особенно здѣсь—въ мѣстѣ священныхъ воспоминаній,—оказалось иное.

Письма Гоголя отличаются полною трезвостью, даже нѣкоторою холодностью. Онъ жалуется на то, что „сердце его остается холоднымъ, оно не возбуждается и не горитъ“, какъ бы это можно ожидать (см. у Кулиша въ VI т.). Онъ доволенъ путешествіемъ; по собственнымъ его словамъ, святость мѣста иногда вызывала „духъ молитвы“, но все же онъ былъ больше путешественникомъ, чѣмъ „паломникомъ“.

Главное и существенное для Баженова и другихъ *доказательство ненормальности* Гоголя—его будто бы религіозный мистицизмъ—странное недоразумѣніе. Религіознымъ Гоголь былъ всегда. Его религіозное чувство получило жизненность и силу еще въ раннемъ дѣтствѣ и не покидало его затѣмъ всю жизнь. Описавъ въ письмѣ къ матери (20 октября 1833 г.) баловство, которымъ его окружали, онъ пишетъ про свое дѣтство слѣдующее:

„Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобъ угождать мнѣ. Я ходилъ въ церковь, потому что видѣлъ, что всѣ крестятся. Но одинъ разъ, я живо какъ теперь помню этотъ случай: я просилъ васъ разсказать о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это меня потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли“.

Можно, дѣйствительно, повѣрить, говоритъ г. Алферовъ *, что этотъ разсказъ о страшномъ судѣ, трогательный и страшный, и заложилъ съ этихъ лѣтъ въ Гоголѣ то пламенное отношеніе къ религіи, которое можно постоянно замѣтить въ его перепискѣ съ матерью и изъ Нѣжина, и изъ Петербурга, и изъ-за границы, и изъ Москвы, отовсюду и во всякомъ возрастѣ. Въ одномъ изъ писемъ, напримѣръ, 1829 года, въ 20-лѣтнемъ возрастѣ, онъ говоритъ матери, что „онъ чувствуетъ налегшую на него десницу Всевышняго“, а въ заключеніе письма прибавляетъ: „въ умиленіи я призналъ невидимую десницу, пекущуюся обо мнѣ, и благословилъ такъ дивно назначаемый путь мнѣ“.

Можетъ-быть, эта религіозность получила въ послѣдніе годы болѣзненно-мистическій тонъ? Повторяемъ—нѣтъ. Мы сказали уже о палестинскихъ письмахъ—то же и вездѣ. Прочитайте размышленія о божественной литургіи: развѣ это произведеніе мистика?

Самъ Гоголь говоритъ, что „онъ въ послѣдніе годы повѣрялъ разумомъ то, что ранѣе усвоилъ вѣрой“. Да въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, выразился гоголевскій мистицизмъ? Ни въ одномъ письмѣ послѣднихъ лѣтъ нѣтъ и слѣда этого мистическаго самоуглубленія. Если ребенкомъ онъ слышалъ таинственные голоса, то въ концѣ жизни *онъ не видитъ откровеній и не смотритъ, какъ мистикъ, расширеннымъ взоромъ въ отверстое небо.*

Наоборотъ, скорѣе можно обличить его въ отсутствіи мистицизма, въ религіозной разсудочности.

„Моя природа совсѣмъ не мистическая“ пишетъ Гоголь Аксакову, въ 1844 году—и пишетъ правду. На экстазъ и религіозное вдохновеніе онъ смотритъ даже подозрительно: этотъ экстазъ есть часто обольщеніе, „прелесть“.

Въ послѣдній годъ жизни Гоголь много думаетъ о смерти, но это вполнѣ естественное настроеніе не выражалось, однако, у него ни пѣтизмомъ, ни мистицизмомъ. Онъ именно не могъ быть мистикомъ, даже когда хотѣлъ. Онъ умеръ, по выраженію Аксакова, достигнувъ того высоко-религіознаго настроенія, которое не совмѣстимо съ тѣлесною оболочкой, но такое настроеніе можетъ и не быть больнымъ мистицизмомъ.

А кромѣ будто бы мистицизма—гдѣ основанія считать Гоголя больнымъ?

Однако, возвратимся назадъ. Мы кончили 1848 годомъ.

„Въ послѣдніе годы, говоритъ г. Баженовъ, періодическая болѣзнь будто бы переходитъ въ непрерывно - болѣзненное состояніе“. Письма Гоголя рѣшительно не даютъ для этого основаній: они спокойны. Онъ не жалуется на приступы тоски. повидимому, меланхолія не только не перешла въ хроническую, но уступила ясному и бодрому міросозерцанію и христіанской силѣ духа.

Не безъ основанія же изучавшіе письма Гоголя сдѣлали уже знакомый намъ выводъ, что *въ послѣдніе годы нервные припадки прекращаются у Гоголя, онъ сталъ спокойнѣе и бодрѣе* (Матвѣевъ, *Рус. Вѣстникъ*, 341—260).

Даже такой строгій судья Гоголя, какъ покойный профессоръ Миллеръ, признаетъ, что послѣ 1847 года Гоголь „значительно умягчился сердцемъ, и письма его послѣдней поры спокойнѣе, отзываются искренностію и задушевностію, которыя во всей прежней перепискѣ его просвѣчивались лишь кое-гдѣ“. *

Г. Баженовъ указываетъ такіе признаки меланхоліи: боязливо-тоскливая подавленность, ощущеніе тревоги, стѣсненія, неспособность къ работѣ, дурныя мысли, выражающіяся въ религіозныхъ сомнѣніяхъ. Аппетита нѣтъ. Сонъ недостаточный, вѣсъ тѣла падаетъ..

Какіе изъ этихъ признаковъ примѣнимы къ Гоголю? Оставляя въ сторонѣ признаки чисто-физическихъ болѣзней, остается, вопервыхъ, хандра—душевная подавленность, но это ощущеніе боязливой тревоги, какъ мы сказали, ослабѣло въ послѣдніе годы, да и ранѣе было, по наблюденію Н. В. Гоголя, слѣдствіемъ физической болѣзни. „Болѣзнь хандру приноситъ“. Затѣмъ?.. Безсонница?—Въ письмѣ къ Смирновой въ началѣ 1846 года, онъ жалуется, что уже мѣсяцъ нѣтъ сна, но тутъ же прибавляетъ: *душа здорова, хандры нѣтъ.*

Религіозныя сомнѣнія? Хотя г. Баженовъ, подчеркиваетъ этотъ признакъ, но Гоголь рѣшительно не зналъ такихъ сомнѣній. Апатія—неспособность къ работѣ? Этотъ пунктъ стоитъ въ связи съ фактомъ сожженія *Мертвыхъ Душъ*, вообще со скудостью художественнаго творчества Гоголя за послѣдніе годы.

Не желая казаться пристрастными,

---

* Письмо Панова Аксакову.

* *Образованіе*, февр. кн. 1899 г.

* Только въ 1849 году весною Гоголь хандритъ, но и здѣсь онъ ясно намекаетъ на внѣшнія причины „унынія“ и тоски. Съ 1849 по 1852 годъ не встрѣчаемъ такихъ жалобъ, хотя жалобы на физическія недомоганія постоянны.